

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 27. «Но почему-то сны его воздушны»

Выпуск № 967

Аполлон Майков

Перечитывая Пушкина

Его стихи читая – точно я
Переживаю некий миг чудесный:
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы, влиась в его бессмертный стих,
Земное всё – восторги, страсти, муки –
В небесное преобразилось в них!

1887

Даниил Андреев

У памятника Пушкину

Повеса, празднослов, мальчишка толстогубый,
Как самого себя он смог преобороть?
Живой парнасский хмель из чаши муз пригубив,
Как слил в гармонию России дух и плоть?

Железная вражда непримиримых станов,
Несогласимых правд, бушующих идей,
Смиряется вот здесь, перед лицом титанов,
Таких, как этот царь, дитя и чародей.

Здесь, в бронзе вознесён над бурей, битвой, кровью,
Он молча слушает хвалебный гимн веков,

В чьём рокоте слились с имперским славословьем
Молитвы мистиков и марш большевиков.

Он видит с высоты восторженные слёзы,
Он слышит тёплый ток ликующей любви...
Учитель красоты! наперник Вечной Розы!
Благослови! раскрой! подаждь! усынови!

И кажется: согрет народными руками,
Теплом несчетных уст гранитный пьедестал, –
Наш символ, наш завет, Москвы священный камень,
Любви и творчества магический кристалл.

1950

Выпуск № 31

Афанасий Фет

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

1832

Александр Блок

Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело –
Сонноокая прошла.

Проплыла она – и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами – семафора
Зеленеет огонёк.

Небо – в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы – в пространстве новом,
Словно – в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали – локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.

Ты поймёшь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем
Всё, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.
Скажет каждому: "Будь весел.
За окном лежат снега".

1906

Лариса Патракова

из цикла «Михайловское»

*«Мой первый друг, мой друг бесценный...»
А.С.Пушкин*

Почему-то именно январь,
И особенно его начало,
Так уныл, как старый календарь,
Сотню раз пролистанный с начала.
Снегопады были, но давно
Кончилось их белое круженье,
И теперь в незрячее окно
Хоть бы ветер стукнул в нетерпенье...
Ждать бы что-то... Нечего и ждать.
Спать, пожалуй. Тишина, как льдина,
Необъятна и непобедима:
Закричишь, и то не разорвать.
Завтра новые налить чернила...
Чтобы няня полог починила...
Семь иль восемь на часах пробило...
Колокольчик как звенит уныло...
Колокольчик?! Слишком странный сон –
Он ещё с пером иль это снится?
Но какая чистая страница...
Колокольчик! – Это точно он!
Два прыжка, и в поднятой руке
Бьётся свет, как крошечное знамя...
Тот январь теперь навечно с нами,
Тот февраль уже невдалеке.

Выпуск № 1170

Марина Цветаева

Психея

Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,
Пунш – и пенковая трубка
Пышущая. Пунш – и лепет

Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
В полукруге арки – птицей –
Бабочкой ночной – Психея!
Шёпот: "Вы ещё не спите?
Я – проститься..." Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! –
Пируэтом – привиденьем –
Выпорхнула.

Пунш – и полночь.
Вновь впорхнула: "Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза..."

Плащ накинув
На одно плечо – покорно –
Под руку поэт – Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... – "С Богом!"

А Психея,
К спутнице припав – слепому
Пугалу в чепце – трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

=====

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспаденье на персидский
Палевый халат – и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

Осип Мандельштам

Чуть мерцает призрачная сцена,
Хоры слабые теней,
Захлестнула шёлком Мельпомена
Окна храмины своей.
Чёрным табором стоят кареты,
На дворе мороз трещит,
Всё космато – люди и предметы,
И горячий снег хрустит.

Понемногу челядь разбирает
Шуб медвежьих вороха.
В суматохе бабочка летает.
Розу кутают в меха.
Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный лёгкий жар,
А на улице мигают плошки
И тяжелый валит пар.

Кучера измаялись от крика,
И храпит и дышит тьма.
Ничего, голубка Эвридика,
Что у нас студёная зима.
Слаще пеня итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нём таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

Пахнет дымом бедная овчина,
От сугроба улица черна.
Из блаженного, певучего притина
К нам летит бессмертная весна.
Чтобы вечно ария звучала:
«Ты вернёшься на зелёные луга», –
И живая ласточка упала
На горячие снега.

1920

Выпуск № 1150

Давид Самойлов

Михайловское

Деревья пели, кипели,
Переливались, текли,
Качались, как колыбели,
И плыли, как корабли.

Всю ночь, до самого света,
Пока не стало светло,
Качалось сердце поэта –
Кипело, пело, текло.

Лариса Патракова

из цикла «Михайловское»

С крыльца спустись – над озером, в тумане
Лежат стихи. Протягиваешь руку,
И горсть полна бесстрашными словами –
Узнаешь их на ощупь и по слуху.

В дыханье ветра, в шуме вод полночных,
В изгибах горизонта над холмами
Летят, плывут и умирают строчки...
Не желтый лист приник к оконной раме,

Не яблоки звенят в саду осеннем,
Не травы ровным полем пену гонят –
Стихи звучат повсюду – нет спасенья:
Живое слово держишь на ладони.

Борис Пастернак

из цикла «Тема с вариациями»

Мчались звёзды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слёзы высохали.
Были тёмны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре.

Плыли свечи. И казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.

Море тронул ветерок с Марокко.
Шёл самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге.

1918

Выпуск № 602

Давид Самойлов

Болдинская осень

Везде холера, всюду карантин,
И отпущенья вскорости не жди.
А перед ним пространные картины
И в скудных окнах долгие дожди.

Но почему-то сны его воздушны,
И словно в детстве – бормотанье, вздор.
И почему-то рифмы простодушны,
И мысль ему любая не в укор.

Какая мудрость в каждом сочлененье
Согласной с гласной! Есть ли в том корысть!
И кто придумал это сочиненье!
Какая это радость – перья грызть!

Быть, хоть ненадолго, с собой в согласье
И поражаться своему уму!
Кому б прочесть – Анисье иль Настасье?
Ей-богу, Пушкин, всё равно кому!

И за полночь пиши, и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне!
Благодаренье Богу – ты свободен –
В России, в Болдине, в карантине...

Александр Пушкин

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своём веселии мрачнее;
Тем глуше звон задравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят –
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовёт меня мой Дельвиг милый,

Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных ещё обнять
И новых жертв уж не страшиться.

1831

Выпуск № 1274

Василий Жуковский

А. С. Пушкин

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мёртвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нём – в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нём; не сиял острый ум;
Нет! но какую-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?

1837

Лариса Патракова

Распахнутый, как ночь, собор стоял:
Все двери настежь. Темнота манила.
А под стеною белая могила,
И холм всё это на себе держал.

В него ступени – ровно тридцать семь,
Их камень стёсан временем усталым,
Здесь день поминовенья – каждый день.
И каждый – день величия и славы.

Все русские цветы сюда несли,
Все русские слова здесь прозвучали.
Здесь все поклоны клали – до земли,
Все птицы в этом небе откричали.

Здесь сто веков ещё сомкнут свой круг,
Здесь себя помнить станет каждый русский...
И холм стоит, сжимая пальцы рук:
Собор распахнут. Ночь. Могила. Пушкин.

Выпуск № 73

Лариса Патракова

Дом в Михайловском *(второй портрет Пушкина)*

Закрыв глаза, смотрела в даль зеркал
И видела себя в чужом обличье:
Заветный перстень серебром мерцал,
Фрак, чуть потёртый, но ещё приличный,
Очеркивал изящный силуэт,
И рук крылатых сильное течение
Отбрасывало яростные тени –
Навстречу пристально смотрел Поэт.
Мы жили в этих зеркалах вдвоём –
Мы жили, совмещая два столетья,
И не было ни суеты, ни смерти:
Нас поглощал старинный водоём...

Всё в зеркалах струилось за предел
Судеб и тайн, отчаянья и сказок:
Поэт оттуда в даль мою глядел –
Я не окликнула его ни разу,
И он меня ни разу не позвал –
Слова для нас утратили значенье...
Но тех зеркал чарующий овал,
Но времени нездешнее течение,
Но вечность там, где даже вдоха нет,
Но эти сны, в которых было странно
Смотреть, как слово добывал Поэт:
Полжизни прожила за чёрной рамой,
Цедила этот жадный, вечный свет
И знала цену мудрого обмана...

Марина Цветаева

Встреча с Пушкиным

Я поднимаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои лёгкие ноги
Выситься над высотой.

Слева – крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна – окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
– Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... –

Запах – из детства – какого-то дыма
Или каких-то племён...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времён.

Пушкин! – Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамёна,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
– Каждого встречного пса! –

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонёк папиросы
В бархатной чаше аллей,

Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом – колею...
Смуглые руки и синие реки,
– Ах, – Мариулу твою! –

Треск барабана – мундир властелина –
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звёзды ракет...

Вечное сердце своё и служенье
Только ему, Королю!
Сердце своё и своё отраженье
В зеркале... – Как я люблю...

Кончено... – Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба – не так ли? –
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонёк.

И – потому что от худшей печали
Шаг – и не больше – к игре! –
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1913

Выпуск № 1333

Давид Самойлов

Пестель, поэт и Анна

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: "Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нём, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем".
Он думал: "И, конечно, расцветёт
Его талант, при должном направленьи,
Когда себе Россия обретёт
Свободу и достойное правленьи".
– Позвольте мне чубук, я закурю.
– Пожалуйте огня.
– Благодарю.

А Пушкин думал: "Он весьма умён
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?"

Шёл разговор о равенстве сословий.
– Как всех равнять? Народы так бедны, –
Заметил Пушкин, – что и в наши дни
Для равенства достойных нет условий.
И потому дворянства назначение –
Хранить народа честь и просвещение.
– О, да, – ответил Пестель, – если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
– Увы, – ответил Пушкин, – тех основ
Не пожалеет разве Пугачёв...
– Мужичий бунт бессмыслен... –

За окном

Не умолкая распевала Анна.
И пахнул двор соседа-молдавана
Бараньей шкурой, хлевом и вином.
День наполнялся нежной синевой,
Как вёдра из бездонного колодца.
И голос был высок: вот-вот сорвётся.
А Пушкин думал: "Анна! Боже мой!"

– Но, не борясь, мы потакаем злу, –
Заметил Пестель, – бережем тиранство.
– Ах, русское тиранство – дилетантство,
Я бы учил тиранов ремеслу, –
Ответил Пушкин.

"Что за резвый ум, –

Подумал Пестель, – столько наблюдений
И мало основательных идей".
– Но тупость рабства сокрушает гений!
– На гения отыщется злодей, –
Ответил Пушкин.

Впрочем, разговор

Был славный. Говорили о Ликурге,
И о Солоне, и о Петербурге,
И что Россия рвётся на простор.
Об Азии, Кавказе и о Данте,
И о движенье князя Ипсиланти.

Заговорили о любви.

– Она, –

Заметил Пушкин, – с вашей точки зренья
Полезна лишь для граждан умноженья
И, значит, тоже в рамки введена. –

Тут Пестель улыбнулся.
– Я душой
Матерьялист, но протестует разум. –
С улыбкой он казался светлоглазым.
И Пушкин вдруг подумал: "В этом соль!"

Они простились. Пестель уходил
По улице разъезженной и грязной,
И Александр, разнеженный и праздный,
Рассеянно в окно за ним следил.
Шёл русский Брут. Глядел вослед ему
Российский гений с грустью без причины.

Деревья, как зелёные кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
Он эту фразу записал в дневник –
О разуме и сердце. Лоб наморщив,
Сказал себе: "Он тоже заговорщик.
И некуда податься, кроме них".

В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пёс. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвой.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал – распевает Анна.
И задохнулся:
"Анна! Боже мой!"

1965

Мария Петровых

Болдинская осень

Что может быть грустней и проще
Обобранной ветрами рощи,
Исхлёстанных дождём осин...
Ты оставался здесь один
И слушал стонущие скрипы
Помешанной столетней липы.

Осенний лёд, сковавший лужи,
Так ослепительно сверкал
Зарёй вечернею... Бокал –
Огонь внутри и лёд снаружи –
Ты вспомнил... (Он последним был
Соединившим хлам и пыл.)

Той рощи нет. Она едва
Успела подружиться с тенью,
И та училась вдохновенью, –
Сгубили рощу на дрова.
Для радости чужих дорог
Три дерева Господь сберёг.

Их память крепко заросла
Корой, дремотой и годами,
Но в гулкой глубине дупла
Таят, не понимая сами, –
Свет глаз твоих, тепло руки
И слов неясных ветерки.

Несчастные! Какая участь!
Но пред тобой не утаю –
Завидую, ревную, мучусь...
Я отдала бы жизнь мою,
Чтоб только слышать под корой
Неповторимый голос твой.

Летучим шагом Аполлона
Подходит вечер. Он вчерне
Луну, светящую влюблённо,
Уже наметил, – быть луне
Под лёгкой дымкою тумана
Печальной, как твоя Татьяна.

Дорогой наизусть одной
Ты возвращаешься домой.
Поля пустынно и туманны,
И воздух как дыханье Анны,
Но вспыхнул ветер сквозь туман –
Бессмертно дерзкий Дон Жуан.

В бревенчатой теплыни дома
Тебя обволокла истома
Усталости... Но вносят свет,

Вино, дымящийся обед.
Огнём наполнили камин,
Прибрали стол, и ты – один.

Ты в плотном облаке халата,
Но проникает сквозь халат –
Тяжелый холод ржавых лат
И жар, струящийся от злата...
Ты снова гредишь наяву,
А надо бы писать в Москву.

Но сколько душу не двою, –
Что письма нежные твои,
Прелестные пустые вести,
И что – влечение к невесте,
И это ль властвует тобой,
Твоей душой, твоей судьбой!..

Во влажном серебре стволов
Троились отраженья слов,
Ещё не виданных доньше,
И вот в разгневанном камине –
Внутри огня – ты видишь их
И пламя воплощаешь в стих.

С тех пор сто лет прошло. Никто
Тебе откликнуться не в силах...

1930